

Модест БОГДАНОВ (1.10(19.09).1841, с. Русская Бекшанка Симбирской губернии, – 16(28).3.1888, Петербург), русский орнитолог, зоогеограф, детский писатель. Окончил Симбирскую гимназию. В 1864 году – Казанский университет, естественное отделение физико-математического факультета. Работал в Казанском университете. С 1881-го профессор Петербургского университета. Исследовал фауну Поволжья, Кавказа, Арало-Каспийской области, Мурманского побережья. Один из зачинателей русской зоологической популярной литературы.

ДОМАШНИЙ ВОРОБЕЙ

*Повадился вор-воробей —
Летати.*

*Мою конопельку, мою зелененьку
Клевати.*

(Народная песня)

Подумаешь, за что такая честь? Попал в песню, да ещё вором. Так и народ смотрит на беднягу, как на взятого вора. Но вор ли действительно воробей – вот вопрос!

Как хотите, но я с этим не согласен. Воробей – честный работник; он исправно трудится на своего хозяина; он приносит ему много пользы; и за это-то его гонят везде, бранят вором и не любят! Виноват ли он, что его труды не хотят ценить и что его вынуждают воровать? Да он и не ворует, а берёт только своё. Если не верите, узнайте поближе жизнь воробья.

На дворе весна. Капает, течёт с крыш, шумит вода по желобам. Струйки воды бегут по тротуарам. Грязный снег на улицах с каждым часом делается ещё грязнее. Идёт весна! Каждый старается принарядиться в самое лучшее платье для встречи весны. Даже воробьи и те хотят встретить весну попараднее. Всюду ещё снег. Как только побежали по нему первые струйки, как только слились они в первые крошечные лужицы на поверхности грязной улицы, в колеях, пробитых санями, воробьи, не долго думая, начинают купаться. Им хочется пообчистить своё серенькое платье для встречи весны.

Всмотритесь, ведь это не тот воробей, которого вы видели зимой. У зимнего воробья клюв был жёлтый, а теперь он почернел. Зимой воробей был крайне неуклюж; он ерошил свои перья, чирикал редко, больше всё хмурился. А теперь его не узнаешь. Словно он причесался после ванны: пёрышки блестят, лежат плотно, и весь воробей выглядит таким ловким франтом. Говорлив стал просто на удивленье.

Полюбуйтесь, вот он на крыше: хвост поднят вверх, крылышки опущены, с задорным видом поглядывают глазки направо и налево.

Чип! Чип! Чип! Он скачет, как сорока, вертится, и нет ему покоя целый день. Встретится товарищ, вместе с которым он неделю назад искал мирно крошки хлеба около кухни, теперь и не подходит близко. Сойдутся два воробья – мигом завяжется драка. Из-за чего они дерутся – не будем разбирать, это их дело.

Весна идёт без остановки, тает снег, бежит вода по улицам. Оголилась земля. Пробивается молодая зелёная травка. Глядь – наш воробей уж не один. У него есть подружка, с которой он шныряет по улице, по саду, по дворам: тут съест крошку, там разбудит зёрнышко. Но главная его забота теперь не в этом.

Он собирает разные редкости: в саду или на лужайке схватит сухую травинку; около конюшни зацепит конский волос; на скотном дворе подхватит ключок овечьей шерсти;

в курятнике поживится пёрышком; из кучи сора вытащит тряпочку, мочалину, бумажку.

Ему всё это нужно, всё это он тащит куда-нибудь в укромный уголок – в карниз дома, в трещины каменной стены, за наличник окна, в дупло дерева, в скворечницу или же в гнездо ласточки. И из всех этих редкостей устраивается беспорядочная куча хлама, которую называют воробьиным гнездом.

Пройдёт ещё немного времени, и на этой куче хлама окажется шесть, семь или восемь пёстрых яиц. Серенькая воробьяха усаживается на них, греет их своим маленьким телом и день и ночь; а воробей самодовольно чирикает возле неё и поглядывает по сторонам, чтобы стащить что плохо лежит.

За всё это время, с самого начала весны и до начала мая, нам решительно не за что упрекнуть воробья. Он берёт только то, что выбрасывают, что никому не нужно; но ведь это не воровство.

Посмотрим дальше. Едва оделся лес, не успели

ещё прилететь последние вешние птицы, а в гнезде воробья вместо яичек уже сидят пискливые крошечные воробьята.

То-то забот отцу и матери! С раннего утра и до позднего вечера спуют они около дома, по огороду, в саду, в ближайших полях и лугах, на дворе, на улице – ищут корму, но только не зёрен; птенчики их слабы, малы, они не в силах проглотить жёсткого зерна: им нужны те мягкие, сочные червячки, которые ползают по листьям трав и деревьев и поедают их; а червячки эти не что иное, как гусеницы пёстрых, красивых бабочек, мух и жучков. Их-то и отыскивают теперь воробьи. Поймав гусеницу, воробей летит к гнезду, суёт её в рот голодному воробьятёнку и снова летит на промысел, да так целый весенний день. А этот день длится часов шестнадцать. Сколько же тысяч гусениц перетаскает пара воробьёв в это время?

Ловлей гусениц занимаются воробьи добрые две-три недели, пока воробьята вырастут и оперятся.

Вот наконец настал желанный день! Детки выросли, оперились, вылетели из гнёздышка. Весёлой кучкой сидят они на заборах, в аллеях садика, между грядок огорода; чирикают без умолку, а как только увидят отца или мать, откроют жёлтые рты, зачирикают ещё пуще – значит, пожалуйте червячка!..

Я и до сих пор очень люблю эти дни воробьиной жизни. Хитрые старики заведут воробьят в такое местечко, где они легче всего могут избежать врагов. А для этого нет им лучше притона, как песчаная дорожка в садике, окаймлённая кустами акации. Заведут они туда своих воробьяток, а сами начнут промышлять корм для них. Иногда на одной дорожке соберётся несколько выводков, и она сделается настоящим воробьиным детским садом, а должность воспитателя исполняет один из старших воробьёв – по очереди.

Молодые воробьята беззаботно чирикают, купаются в песке, прыгают по дорожке, а старый воробей усядется на самую высокую ветку акации и зорко смотрит во все стороны; в это время прочие воробьи торопливо таскают гусениц и кормят своих детёнышей.

Воробей-сторож невозмутим; он не бросится даже на самую жирную гусеницу, хотя бы она ползла по ближайшей ветке; это самый примерный часовой. Но зато его и слушаются все. Закричит он: «Чр-ррр... чр-ррр!» – и всё, что беззаботно скакало по дорожке, чирикало и прыгало, с шумом бросается в самую чащу кустов акаций или сирени. В минуту всё смолкнет. Ни звука, ни шелеста. Только часовой сидит на вершине; он закричал, но не пошевелился; он увидел врага и следит за ним.

А этот враг лютый, злой, беспощадный – это ястреб-перепелятник. Давно ещё заприметил его воробей; ещё там, вдали, когда он неслышным полётом вывернулся из-за крайней избы и направился по задворкам. Сущий разбойник! Перья серые, не блестя-

щие, в которых лучше всего укрываться вору; а укрываться он и без того мастер. Он летит около заборов, между деревьев; свернёт вдруг в сторону, взмахнёт кверху и оглянет всё быстро своими жёлтыми глазами.

Горе зазевавшейся птичке! Стрелой налетит на неё разбойник, всадит когти – и пропала бедняга.

Но не таков наш воробей, чтобы поддаваться ястребу. Из сотни разных птиц едва ли удастся ему схватить хоть одного воробья.

Умён и осторожен наш плут. Да, кроме того, у него есть кума ласточка, остроглазая, быстрокрылая; воробей знает, как она крикнет, если увидит ястреба. Но вот он и сам увидел его. Ястреб ближе, ближе; воробей всё сидит. Воробьята ни гу-гу, как будто и нет их; а часовой всё сидит на ветке. Заметил его ястребиный глаз, взмахнул лесной разбойник крыльями – раз, два, только бы вот впустить когти – а воробья уж нет. Камнем упал он в куст акации, а на его месте очутился ястреб. Сидит дурак дураком; вцепились когти в зелёную ветку и замерли. Досада гложет хищника, а ласточки ещё издаются: чивит... чивит... и одна за другой подлетают к нему.

Зло смотрят на них и кругом жёлтые глаза: знает ястреб, что тут целая сотня воробьёв сидит в чаще ветвей, да где же их достать? Встряхнулся и полетел дальше. Если бы он оглянулся назад – на его месте опять сидит часовой-воробей, а на дорожку с шумом выпала из зелёной листвы целая толпа воробьят.

Недаром я назвал эту аллею воробьиным детским садом. Когда-нибудь присмотритесь к воробьятам в то время, как они только что покинут гнездо. Какие это простаки и дурачки, неловкие, доверчивые, крикливые. И ноги и крылышки ещё плохо служат им. Это такие же увальни, как наши Коли и Мити, когда те только что начинают ходить. Но посмотрите на воробьят три-четыре дня спустя, в их детском саду. Вот они роются на дорожке в песке. Это уже не увальни, не простаки. Чуть раздастся крик их часового – полюбуйтесь, как они ловко шнырнут в кусты, спрячутся там и замолкнут.

В эти немногие дни они лучше нас с вами выучили азбуку воробьиной жизни. Пройдёт ещё несколько дней – старые воробьи и воробьята научат их всему, что нужно знать образованному воробью. Они выведут их на лужайку и научат ловить жучков, бабочек, гусениц. Они вызовут их из кустов на проезжую дорожку и научат разыскивать хлебные зёрнышки. Они поведут их в сад, в огород, на гумно, покажут им, как там нужно хозяйничать, растолкуют, кого бояться, где прятаться.

Наконец учёные кончено; молодые выросли: их не отличишь от старых. Тогда собирается семейный совет. Старики прощаются с детками и говорят: «Вы теперь большие, живите как хотите, мы всемо вас научили», и воробьиная семья разлетается врозь.

Фотографии Татьяны Мельник

